

Д. С. Мережковский в глазах огромного большинства своих современников -- писатель уважаемый и именитый, многоученый и многоопытный, очень умный и очень чуждый всем. Он был первым из обособившихся в интеллигенции, кто восхотел "опроститься" до типического, исконного, истого русского "интеллигента", -- как встарь интеллигенты искали "опроститься" до "народа". Русский характер, как известно, тяготеет культурно-общественным обособлением и склонен спастись от него "опрощением", причем опростившиеся с удивлением узнают на опыте, что среда, казавшаяся им простою, являет в действительности непредвиденную сложность и требует от новопришедшего сложности величайшей, особенно же -- верности самому себе. Как некогда опростившиеся интеллигенты не находили народа, так ныне Мережковский не находит интеллигенции; последней же кажется, что она потеряла его. Он легко исступляется, но его считают холодным. Он ежечасно учительствует -- внятно, раздельно, весьма наглядно, порой до обидности просто и ясно, подтверждая свои уроки ссылками на канонические писания, жития и предания подлинной интеллигенции, -- но его не слышат и не понимают. Мало кто знает, о чем живет и ревнует Мережковский. Вспоминаются его давние мистические идеологии, его "третий завет". Но усилия всей (и уже долгой) последней поры его проповедничества о христианской общественности кажутся бесплодными: ничего не породили они в общественной жизни, ничего не зачали и в общественной мысли. Реальный смысл громогласного и настойчивого призыва так и пребывает безнадежно темным.

Между тем элементы этой проповеди сами по себе вполне удобопонятны. Больше того: если бы Мережковский обращался прямо к народу, а не к тому кругу, который он именует "интеллигенцией", разумея под нею наших крайних левых, душу коих ему страстно хотелось бы обручить с религией, -- он был бы, во всяком случае, понят, хотя последовала бы за ним лишь незначительная горсть одинаково настроенных в народ. "Интеллигенции" же до такой "религии" мало дела: она или одушевлена собственным довлеющим для ее задач энтузиазмом и дорожит цельностью как своей тактики, так и своего стиля, -- или же ищет просто религии, самой по себе, беспримесной, безусловной, безприкладной, как теоретическая истина. Ищущему нужно сначала обрести самую истину: он уже сам потом усмотрит, как пронизать ею жизнь. Дары Мережковского кажутся одним -- непрошенными и, быть может, сомнительными, как дары Данаев, другим -- преждевременными и наперед обязывающими, как путеводитель по святым местам для человека, намеревающегося пойти странником куда глаза глядят.

Неудивительно, что Мережковский не находит иной аудитории, кроме случайной и забывчивой. Проповедь, незаметно для проповедника, обращается в признание о собственных исканиях и, следовательно, блужданиях. Он ежечасно вынужден от чего-то отречься, что-то прежнее исправлять, и торжественно провозглашать вместо "нового слова" лишь свое присоединение к тому, что двигало жизнь задолго до него. Поучения Мережковского -- непрестанная Каносса его собственного "богоискательства" перед тем, что он чтит, как "религиозную правду безбожной интеллигенции". От положительного смысла поучений не остается ничего, кроме тавтологии, что есть и безбожники отвлеченной мысли, живущие, однако, по-божьи, и что с таковыми и верующему похвально сообща творить добрые дела. Но острота тезиса, который нам обещали доказать, так и не проникает в души, за своею неубедительностью, равно явной для верующих и неверующих: что дух Евангелия, усвояемый личностью и обществом, находит свое ближайшее и неперемное проявление в действенном и последовательном политическом радикализме.

Для людей, знающих и любящих Мережковского, его религиозно-публицистическое подвижничество -- волнующая и грустная загадка. Великая заслуга его -- неустанное исповедание веры. Заслуга и громкий клич о том, что вера христианская как бы двупостасна: одно лицо ее -- внутренний опыт, другое лицо -- жизненное действие. Нет действия в духе любви Христовой, -- нет и подлинной веры; есть таковое, -- значит, есть в человеке и почва для веры, а может быть -- и ее семья. Из этих неопровержимых положений выводятся поспешные заключения: русская "общественность", проникнутая столь часто жертвенным пафосом, увенчанная подвигами самоотвержения, есть действие христианской религиозности; вера, не проявленная в освободительном политическом действии, -- ложная вера. Логические ошибки этого построения бросаются в глаза; разьяснять их -- излишний труд.